

В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. «Труды Мордовской этнографической экспедиции», вып. III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 101, М., 1973, 215 стр.

За годы Советской власти произошли коренные изменения в материальной и духовной культуре всех народов нашей страны. Давно ушли из быта многие традиционные элементы жилища, народной одежды, утвари, свадебной обрядности и др. В село прочно входит общесоветская городская культура. В этих условиях особое значение приобретает научная фиксация всех основных особенностей традиционной материальной и духовной культуры.

В равной степени это относится и к мордовскому народу, традиционной этнографии которого посвящена довольно обширная литература, в первую очередь созданная трудами советских этнографов. Среди этих работ видное место занимают исследования В. Н. Белицер. Более чем 17 лет (с 1953 по 1969 г.) она руководила работами Мордовской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, в которой принимали участие сотрудники Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Два первых тома материалов этой экспедиции, вышедшие в 1960 и 1963 гг., уже получили признание среди ученых. Рецензируемая книга является третьим, завершающим томом по этнографии мордовского народа. Книга посвящена изучению традиционной одежды мордвы. В ней рассказывается об изготовлении тканей, дается сжатая характеристика мужской народной одежды, тщательно анализируются многочисленные детали сложного женского народного костюма, говорится об украшениях, головных уборах девушек и замужних женщин, описывается обувь.

Но В. Н. Белицер не только описывает многочисленные, сложные и разнообразные элементы мордовского костюма. Она прослеживает их историческую преемственность, выясняет прототипы многих деталей народного костюма и на этой основе выделяет характерные для всего народа и его отдельных этнографических групп комплексы женской одежды. В книге использован обширный материал, собранный практически со всей территории расселения мордовского народа, а также многочисленные музейные экспонаты и литературные источники. Все это в сочетании с глубоким знанием традиционной этнографии народов Восточной Европы позволило В. Н. Белицер расширить и углубить проблему этногенеза мордвы, показать этническую специфику одежды у различных групп мордвы, а также выявить влияние на нее одежды соседствующих народов.

Автор, рассматривая историю развития отдельных элементов и частей народной одежды, делает интересные и убедительные ссылки на археологические источники, а также на сообщения исследователей XVIII—XIX вв. Таковы, например, объяснение происхождения поясных украшений типа *пулагая*, *пулокарка* и *кеска руцята*, имеющих ближайшие аналогии в марийском *юпинэ* и чувашском *хуре* (стр. 107); показ эволюции фибул типа *солягам* (см. стр. 115); браслетов (запястий), колец и перстней (стр. 127—128), наконечников — *пуланунят* (стр. 133), ременных обор (стр. 176) и т. п. Эти примеры можно было бы умножить. Они свидетельствуют о серьезном историческом подходе автора к объяснению происхождения различных элементов одежды и украшений, многие из которых уходят своими корнями в глубокую древность вплоть до начала ананьинской эпохи, т. е. почти на три тысячи лет. Широкие этнографические параллели позволили В. Н. Белицер убедительно показать близость мордовского женского костюма к костюму других народов Поволжья, прежде всего марийцев, удмуртов, а также чувашей. В ряде мест своей книги (см. стр. 107, 115, 190, 195 и др.) автор справедливо отмечает наибольшую близость одежды чувашей к одежде финноязычных народов Поволжья. Поэтому несколько неубедительным звучит ее утверждение, что наследниками культуры волжских булгар «являются главным образом чуваш» (см. стр. 195).

Рецензируемая работа дает также возможность не только сопоставить археологические и этнографические материалы, что имеет первостепенное значение при этногенетических построениях, но и более надежно интерпретировать, а затем и реконструировать древний костюм, элементы которого лишь частично сохранились в археологических памятниках, а также объяснить назначение ряда предметов из погребальных комплексов.

Тщательное описание народной одежды, обуви и украшений, scrupulous историко-этнографический анализ их дали возможность В. Н. Белицер говорить об общей основе народной одежды, характерной для всего мордовского народа в целом. Однако подчеркивая общую основу, на которой сложился мордовский народный костюм, автор говорит о большом разнообразии его локальных вариантов, связанных с различными условиями исторического развития отдельных групп мордовского народа и различным этнографическим окружением. В книге дана очень обстоятельная характеристика народного костюма как всей мордвы в целом, так и ее основных групп — эрзи, мокши, терюхан, каратаев и их локальных подразделений, чему посвящен специальный раздел (стр. 179—188). Здесь В. Н. Белицер, не ограничиваясь показом специфики выделенных ею комплексов народной одежды, выясняет причины возникновения указанных особенностей, связывая их с миграционными процессами и последующими взаимовлияниями.

Последняя глава книги, посвященная выявлению общих черт в одежде и технике изготовления тканей у мордвы и соседних народов, представляет наибольший интерес

для изучения этногенеза этих народов и в особенности мордовского народа. Волго-Камье издавна являлось местом сосредоточения различных по языку и культуре племен и народов. Ареалы их расселения отличались большой расчлененностью, что характерно и для мордвы. Экономические и культурные связи отдельных групп мордовского народа были более тесными с русскими, татарами и чувашами, чем с другими группами своего народа. Все это способствовало интенсивным культурно-бытовым взаимовлияниям, а иногда и ассимилятивным процессам, приводившим к полному поглощению одного народа другим. Но и в таких случаях, как показывает автор, в материальной культуре можно отыскать следы жившего здесь ранее народа (на примере широкого распространения лаптей мордовского типа — стр. 171, некоторых видов головных уборов и т. п.). В. Н. Белицер, мастерски применяя сравнительный метод при анализе этнографического материала, устанавливает тесные культурно-бытовые связи мордвы с другими народами края, и не только современными — мари, чувашами, татарами, русскими и др., но и с жившими здесь в прошлом — скифами, сарматами, аvaraми, волжскими булгарами, кипчаками, половцами и др. Не отрицая правомерности столь давних параллелей, хотелось бы лишь заметить, что каких-либо точных данных о характере скифского и сарматского костюма и тем более о его общих элементах с древнемордовским археологи пока не имеют. Трудно также говорить о каких-либо контактах древней мордвы с аvaraми, ибо памятники последних в районе Среднего Поволжья пока не найдены. Не совсем правильно рассматривать половцев и кипчаков как два самостоятельных народа (стр. 189). Это разные названия (славянско-русское и тюркское) одного и того же народа. Наконец, говоря о тесных взаимоотношениях мордвы с тюркоязычными народами, следовало бы сказать о длительном соседстве мордвы с буртасами, сведения об одежде которых имеются в восточных источниках, а также с татарами-мишарями, в непосредственном контакте с которыми они живут много веков.

Выявляя в мордовском народном костюме следы различных влияний, автор проследживает в нем три культурных пласта: древнейший, связанный с одеждой финноязычных народов края; средний, являющийся следствием влияния проникших сюда в разное время и осевших здесь тюркоязычных народов; поздний, связанный с активным воздействием русской культуры.

Последний пласт выделялся рядом исследователей. Как справедливо отмечает В. Н. Белицер, в некоторых местах, например в районе расселения терюхан, в восточных районах расселения мордвы, оказавшейся оторванной от основной этнической массы, влияние русских было настолько сильным, что русский народный костюм полностью вошел в мордовский быт и считался уже исконно мордовским. Автор приводит убедительные доказательства интенсивных русско-мордовских взаимовлияний на основе сравнительного анализа аналогичных элементов народного костюма мордвы и русских. При рассмотрении этого вопроса необходимо было бы более четко выявить ареалы влияния северо- и южнорусского комплексов. В работе в этом плане имеются некоторые неточности. На стр. 19, например, говорится, что в женском костюме мордвы есть параллели с южнорусским (у мокши), северным и среднерусским (больше у эрзи) костюмом, а на стр. 196 утверждается, что у мордвы распространен в основном народный костюм севернорусского типа. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что в ряде южных районов расселения русских (к югу от Бугульмы, в Саратовской области и др.) севернорусский комплекс отсутствовал. Русские не носили ни сарафана, ни других атрибутов севернорусского комплекса. По-видимому, не могло быть его и у соседствующего мордовского населения.

В заключении работы делаются краткие выводы об основных этапах развития народного костюма мордвы. Автор при этом правильно исходит из необходимости сопоставления этих этапов с основными периодами исторического развития мордовского народа. Однако нам думается, что В. Н. Белицер слишком упрощает эти периоды, сводя их только к домонгольскому, золотоордынско-татарскому, периоду вхождения районов, населенных мордвой, в состав русского государства, и советскому (стр. 198). Следовало бы выделить периоды более ранние, такие как общефинское время, волжско-финское, а также период формирования мордовской народности.

Автор справедливо говорит и о тех кардинальных изменениях, которые произошли в народной мордовской одежде за годы Советской власти. Несмотря на то что в настоящее время национальный костюм мордвы почти исчез из повседневного быта, он является источником для творчества современных художников-модельеров, которые, используя элементы традиционного покроя, красочные расцветки и орнамент, создают современные виды одежды.

Книга хорошо и интересно иллюстрирована. Отлично выполненные рисунки, схемы и карты не только дополняют описание, но и являются самостоятельными источниками. Цветные таблицы дают представление о яркой, самобытной культуре мордовского народа, о его богатом художественном вкусе.

Исключительную ценность имеет терминологический словарь, составленный на основе полевых материалов и литературных источников. Он дан на языках эрзи, мокши, каратаев и терюхан. Значение его как своеобразного исторического источника трудно переоценить. Словарь дает возможность судить и об общих путях развития народа, и о культурно-бытовых особенностях развития его отдельных групп, и о различных этнокультурных взаимоотношениях и т. п.

Оценивая монографию В. Н. Белицер в целом, следует отметить, что этот капитальный труд открывает новую страницу в изучении этнографии и этнической истории мордовского народа. Исследование В. Н. Белицер будет полезно не только этнографам, но и археологам, языковедам, историкам, занимающимся изучением сложной истории многонационального Поволжья.

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков

Ю. А. Сем. **Нанайцы. Материальная культура** (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973, 313 стр.

Нанайцы (гольды) — самая многочисленная народность среди малых народов Советского Дальнего Востока. Естественно, что их жизнь и быт издавна привлекали внимание исследователей. В этнографической литературе имеется немало работ, посвященных нанайцам¹, но среди них нет ни одной, в которой с достаточной полнотой характеризовался бы вклад, внесенный этой маленькой народностью в развитие общечеловеческой культуры.

И вот, наконец, такая работа появилась. Автор ее — известный дальневосточный этнограф Ю. А. Сем, собравший и обработавший уникальный материал, посвященный материальной и духовной культуре, а также социальной истории не только нанайцев, но и других малых народов южной части Советского Дальнего Востока.

В рецензируемой книге, являющейся по замыслу автора лишь первой частью многотомного труда, на широком историческом фоне всесторонне исследуется материальная культура нанайцев со второй половины XIX в. до наших дней. Но фактически рамки монографии значительно шире. По словам ее автора, «для лучшего понимания отдельных сторон материальной культуры нанайцев в их историческом развитии даются экскурсы в более ранние эпохи, вплоть до глубокой древности» (стр. 5). Богатейший материал, находящийся в руках Ю. А. Сема, позволил ему сравнивать материальную культуру нанайцев с материальной культурой соседних или родственных им народностей и племен, с которыми нанайцы имели многовековые экономические и культурные связи. Благодаря такому широкому подходу к исследуемой теме автор сумел глубоко рассмотреть все поднятые им проблемы, рассмотреть культуру нанайцев в историческом развитии, проследить их этнокультурные связи с соседними племенами и народами. Исследователя интересуют все аспекты материальной культуры изучаемой народности — поселения и разного назначения постройки, пища и утварь, пути сообщения и средства передвижения, одежда и украшения.

Первую главу Ю. А. Сем посвящает анализу работ своих предшественников, вторую — характеристике естественно-географических условий, в которых живут нанайцы.

В главах III—IV обстоятельно рассмотрены различные аспекты материальной культуры нанайцев, причем каждая глава насыщена ценными сведениями, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Так, описывая жилища нанайцев, Ю. А. Сем указывает на черты, роднящие их с жилищами ульчей, нивхов и других народностей Дальнего Востока. Вместе с тем, он отмечает, что у нанайцев землянки имели в плане форму прямоугольника, подобную чжурчжэньским, а у нивхов — круглую, овальную. Приход русских на Амур и Уссури ознаменовался появлением у нанайцев жилищ со стенами, сложенными из бревен. Переход от зимника национальной конструкции к срубным постройкам русского типа не был, по мысли автора, простым механическим заимствованием. Нанайцы сумели и в срубные постройки внести немало национального своеобразия, что отразилось в форме оконных проемов, в орнаменте карнизных досок над окнами, в особой канавой системе отопления жилища и в некоторых деталях интерьера. Раньше считалось, что канавая система отопления была заимствована народами Дальнего Востока у китайцев. Ю. А. Сем убедительно доказывает, что эта система отопления существовала на Амуре, в Приморье еще у неолитических племен, живших в условиях холодной зимы. Этот вывод его основывается на археологических раскопках, производившихся А. П. Окладниковым в 1961—1963 гг. на месте современного нанайского селения Кондон (стр. 37).

¹ И. А. Лопатин, Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования, «Записки Общества изучения Амурского края», т. XVII, Владивосток, 1922; Г. Д. Куренков, Материалы по этнографии гольдов, вып. 1. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюдаемых явлений, введение к детальному их описанию, Верхнеудинск, 1918; В. Диосеги, Берестовая посуда у манджуро-тунгусов и методы ее изготовления, «A Néprajzi Múzeum Füzetei», № 11, Budapest, 1950; I. A. Lopatin, The natives of the Amur Region, «El Palacio», vol. XLVI, № 6, New Mexico, 1939; O. Lattimore, The Gold tribe «Fishkin Tatars» of Lower Sungari, «Memoirs of the American Anthropological Association», 1933, № 40; Лин Чунь-шэн, Сунхуацзян сяюды хэчжэцу, т. I, Нанкин, 1934.